

ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО

УДК 821.111-311.4(045)

Н. И. Грузевич

ОБРАЗ АНТИГЕРОЯ В РОМАНЕ Э. БЁРДЖЕССА «ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН»

В статье проводится анализ таких литературоведческих категорий, как «антироман», «антигерой» и характерных для них черт в западноевропейских литературах XX века. Автор статьи исследует реализацию основных характеристик и отличительных черт главного героя романа современного английского прозаика Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин» и аргументирует присущий персонажу диапазон свойств «антигероя».

Ключевые слова: герой, антигерой, неороман, «новый роман», антироман, неоавангардистский, «минус-приём», «антилитература».

В европейском литературоведении конца 50-х годов XX столетия особое значение приобретает так называемый «новый роман» или неороман, черты которого кардинально отличаются от традиционного классического романа, несущего чистоту помыслов главных героев, красоту их поступков, стройность повествовательной формы, ясность помыслов персонажей. Этот факт и явился основополагающим в выборе темы данной статьи, **цель** которой обусловлена попыткой изучить реализацию основных характеристик категории «антигероя» – категории, введенной в противовес категории «герой» на примере персонажа романа Э. Бёрджесса «Заводной апельсин», который по праву можно отнести к неороманам XX столетия.

Актуальность выбранной темы продиктована необходимостью выявить наработанные литературоведением знания о неоромане или «антиромане» и «антигерое» в романе английского писателя.

Справедливо будет утверждать, что именно французская литература середины XX века стала таковой, которая первой назвала созданные в этот период литературные формы, содержания нетрадиционными, неоавангардистскими, широко используя приставку «анти». В литературе появились такие термины, описанные Ж.-П. Сартром, как антидрама, антитеатр, антикино, антилитература и следовательно, была разработана их эстетика [7, с. 13]. Чтобы выяснить её содержание, важно подчеркнуть, что в антиромане или «новом романе» до предела доводится отчужденность человека, разрываются связи между его внутренним миром и окружающей его действительностью. Это приводит к обособленному существованию человека, его существованию в мире полного безразличия, отрешения от общечеловеческих ценностей, что может повлечь, и зачастую влечет за собой крайне негативные проявления человеческой природы.

Однако одновременно следует отметить, что если в канве повествования антиромана преднамеренно присутствует описание эстетического начала героя, то оно, скорее всего, воспринимается как «минус-приём», нежели как средство оправдания его бессознательного, губительного, асоциального и аморального поведения. Эстетическое начало, по нашему убеждению, заложенное в человеке с самого его рождения, в антиромане приобретает искаженные проявления и в конечном итоге играет злую шутку с его «героем».

Вполне уместно, на наш взгляд, упомянуть и тот факт, что антироман, завоевавший внимание теоретиков литературы второй половины XX века и их последователей, не ограничивается вышеупомянутыми характеристиками. Ему присущи и новые, принципиально отличные от традиционного классического романа черты: стиль повествования, организация романного пространства, язык повествования, речь персонажей. В нем все составляющие подчинены созданию атмосферы полной безнадежности и скрытого отчаяния, а отсутствие описания переживаний героя способствует изображению его мира пустым, поверхностным, вещественным.

Как отмечает А. Ткаченко, термин «антигерой» был впервые введен Ф. М. Достоевским и означал тип литературного персонажа, лишённого настоящих героических черт [8, с. 53]. Еще со времен античной литературы, в которой действующими персонажами были боги и герои, роль героев не ограничивалась победами над врагом, описанием сильного и мужественного характера. Она предлагала широкий спектр качеств героев, среди которых присутствовали доброта и гуманное отношение к людям, животным и природе, ум, хитрость и сообразительность, умение гибко решать поставленные задачи и защищать интересы, базирующиеся на моральных принципах, общечеловеческих ценностях. Таким образом, следует констатировать, что герой – это не простой, рядовой персонаж литературного произведения. Это персонаж, которого автор наделил способностью к участию, желанием интересоваться вопросами мироздания, который не утратил способность сострадать, сопереживать, чувствовать боль. В эпиграфе к роману «Андеграунд, или Герой нашего времени» В. Маканин использует определение М. Ю. Лермонтова понятия «герой» как литературоведческого термина и одновременно, по нашему мнению, определяющего характерные черты категории «антигероя»: «Герой... портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии» [6, с. 1].

Введенное в середине XX века понятие «антигероя» литературного произведения привело к переосмыслению восприятия многих персонажей литературных источников предыдущих эпох. Например, можно констатировать, что характеристиками «антигероев» были наделены многие герои Д. Г. Байрона, Гамлет Шекспира, Жюльен Сорель Стендаля. Как отражение мировоззрения авторов эпохи неоавангардизма в западноевропейской литературе конца XX века писатели создают образ «антигероя», который изысканно жесток, бесконечно изобретателен в выборе методов расправы с жертвой. Таковыми стали Фердинанд Клефт в романе «Коллекционер» Джона Фаулза, Гренуй в романе «Парфюмер» Патрика Зюскинда и Алекс в романе «Заводной апельсин» Энтони Бёрджесса.

Известные исследователи категории «антигерой» Н. Фрай [9] и В. Е. Хализев [10] предлагают свою трактовку персонажей литературных произведений. Н. Фрай распределяет их в соответствии со способностью к действию на пять модусов. К четвертому модусу ученый относит героев, которые не могут быть названы таковыми в чисто этическом смысле, из чего можно сделать вывод, что они по праву могут быть названы антигероями. В. Е. Хализев же в своей статье «Персонаж и его ценностная ориентация» классифицирует антигероя как такового, который не имеет ценностных ориентаций.

Сложным и неоднозначным в романе «Заводной апельсин» («Clockwork Orange», 1962) выглядит главный персонаж Алекс Малколм Макдауэл. Его неоднозначность определяется его происхождением, родом занятий и кардинальными изменениями в расстановке сил в обществе, которые стали формирующими в его жизни и судьбе. Определённые характеристики этого персонажа романа позволяют нам причислить его к категории «антигерой». Э. Бёрджесс помещает своего героя в типичные для

молодёжи 60-х годов XX столетия условия, в которых процветали цинизм, воровство, насилие, ложь, разврат и убийства. Молодежная революция, сотрясавшая общество с устаревшими устоями, выходила на улицы, приобретала невидимый размах в борьбе за свои идеалы, бросая вызов всему отжившему свой век, прокладывая дорогу новым веяниям, стилю, способу самовыражения, однако не всегда достойным образом. Злые и обезличенные молодежные бунты прокатились по многим странам Европы. Устами своего героя автор произносит: «Да и вообще в те дни солидные, что называется, приличные люди не очень-то разгуливали по улицам после наступления темноты – полиции не хватало, зато повсюду шныряли разбитные мальчишки-с-пальчики вроде нас» [1, с. 8–9].

Молодежь Италии, Германии, Англии, Северной Ирландии выражала своё негодование жестоким, насильственным путем, что привело к поиску радикальных путей борьбы государств с устрашающим явлением.

В этот исторический период развития европейского общества, как пишет сам автор, в Британии была популярна идея – отправлять преступную молодежь на психотерапевтическую, медикаментозную коррекцию, «то есть превращать их по сути дела в заводной апельсин – не живой, полный сладости, сока и цвета организм, а в механизм, в машину. Я почувствовал опасность того, что государство может вмешиваться не только в нашу жизнь, но и в наши тела, в нашу психику, в наше сознание, превращать нас в маленьких, послушных граждан, потерявших свободу выбора» [10].

Следует констатировать, что именно эта реакция Э. Бёрджесса на подобную идею привела автора к созданию романа «Заводной апельсин», в котором главным персонажем выступает юноша-садист, являющий собой кривое зеркальное отражение больного Британского общества 60-х годов XX столетия.

Однако в этом, на наш взгляд, усматривается не только реакция автора на подобную британскую идею. Здесь очевидно и влияние сложившихся в то время настроений в литературных кругах, отвергавших «старый», классический роман, объявив его анахронизмом. Поиск новой формы романа, нового типа героя, не похожего на всех ранее созданных, также способствовал появлению именно такого образа Алекса в романе, образа «антигероя».

Проведя анализ образа Алекса, можно утверждать, что Алекс – это крайнее проявление жестокости во всех её ипостасях. Это герой-вандал, попирающий наследие человечества, пренебрегающий опытом предыдущих поколений, презирающий все, не относящееся к его собственным интересам. В уста своего героя Бёрджесс вкладывает следующие слова: «Причем оказавшийся у меня в руках учебник был переплетен очень крепко. Еще бы, книга была старая, выпущенная во времена, когда всё делали очень добротнo, вроде как не на один день, но я, всё же, выдираю из неё страницы, комкаю и осыпал ими starikashku, они кружились и летали в воздухе, словно огромные снежинки» [1, с. 10–11].

Нельзя не отметить, что состояние Британского общества 60–70-х гг. прошлого столетия способствовало появлению и распространению отчуждения между поколениями. Британия, вырастив молодое поколение на творчестве «The Beatles», пропагандировавшее «свободную любовь», на сексуальной революции, ко всему прочему стала еще и диктатором в мире моды.

Кроме того, одним из определяющих факторов, повлиявшим на кардинальные изменения в ментальности молодого поколения, стало направление поп-арт, которое увело массового потребителя от понимания истинного предназначения искусства и предложило продукт, рассчитанный на повальное одобрение благодаря своей

дешевизне, простоте, доступности, принятое молодежью эпохи 60-х как нечто новое, интересное, остроумное и сексуальное. Именно эти эпохальные факторы придают Алексу уверенности в своей вседозволенности, безнаказанности, что влечет за собой проявление агрессии, которая порождает новую агрессию. Он – хозяин своего мира насилия, бездуховности и равнодушия, порождающего звериные инстинкты, унижение слабых, издевательство над близкими. Духовное и моральное падение героя и его банды убедительно описано автором в угнетающих восприятие кровавых сценах романа: «...а Джорджик бросил держать его за gubiohi и сунул ему toltshok кастетом в беззубый got, отчего kashka взвыл и хлынула кровь, блин, красота, да и только» [1, с. 11]. И далее : «Это было так отвратно, что мы, каждый по разу, пнули его сапогом, и уже не песни...а кровь хлынула из его поганой старой pasi» [1, с. 21].

Важно заметить, что весь роман пронизан кровавыми сценами. Сцены драк, разбойных нападений банды Алекса, насилия создают атмосферу страха, осознания необходимости противостоять, найти противоядие. В романе автор описывает один из путей борьбы с малолетними преступниками через перевоспитание, предложенный государством. Более того, главарь банды Алекс подвергается воздействию через психотерапию и медикаментозное лечение. Однако такое перевоспитание, считает автор, не имеет ничего общего с гуманным отношением к человеку, каким бы асоциальным он ни был. Этим самым Э. Бёрджесс одновременно критикует выработанные системой методы борьбы, считает их недейственными и унижительными, лишаящими человека права оставаться индивидуальностью с присущими ей особенностями. В случае принудительного лечения-перевоспитания он лишится этих особенностей и начнет действовать как механический, заводной апельсин, внешний вид которого выглядит аппетитно, а внутри таится прогнившее содержимое. Он пишет: «Это какая-то книга, – сказал я. – Похоже, вы книжку какую-то пишете!... потом я поглядел на верхнюю страницу с заглавием «ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН» и говорю: – Фу, до чего глупое название. Слышанное дело – заводной апельсин? – А потом зачитал немножко оттуда: “Эта попытка навлечь на человека, существо естественное и склонное к доброте, всем естеством своим тянущееся к устам господ, законы и установки, свойственные лишь миру механизмов, и заставляет меня взяться за перо, единственное мое оружие...”» [1, с. 31].

Однако, заводной апельсин, по словам автора, на лондонском просторечии «кокни» означает «человек с причудами», что в полной мере характеризует главного героя Алекса Малколма Макдауэла с учетом его характера хладнокровного убийцы. Человек с причудами, которые переросли в жестокое своеволие, и которым не видно конца, поскольку человек действует, как заводной, не собираясь останавливаться, становясь все более изысканным в выборе преступлений, совершаемых им. Причем руководит этим механизмом вовсе не жажда наживы, а жажда продолжения совершения злостных, изысканных убийств, садистских поступков. Герой проходит через все круги ада, где есть место разврату, вакханалии, гомосексуализму, насилию. Чистота помыслов, предназначение человека созидать, творить ставятся в романе под угрозу. А значит художественный мир романа – это выплеск животных инстинктов героев, моральное разрушение личности, которое может привести к трагическому концу нации, страны, человечества в целом. Поэтому, на наш взгляд, автор делает попытку поставить перед героем романа так называемый нравственный эксперимент, поместив его в исправительное учреждение на перевоспитание и проследив возможные изменения в мироощущении героя после его освобождения.

Все-таки уместным будет отметить, что вся атмосфера лечебно-исправительного учреждения, описываемая в романе, – доказательство мнения автора, что эта коррекция

являет собой насилие над природой человека. И доказательством тому могут служить следующие строки из романа, где автор описывает мысли, вышедшего из подобного тюремного заведения, Алекса: «...и вот я уже снова сижу, как сидел, за столом перед пустым стаканом и чуть не плачу оттого, что единственный выход, похоже, – это смерть» [1, с. 185].

Таким образом, можно прийти к умозаключению, что единственным выходом из создавшейся в жизни героя ситуации он видит самоубийство – способ освобождения от угнетающих мыслей, как средство спасения его, брэнного, исстрадавшегося в новом Государственном Институте Исправления Преступных Элементов существа. Алекс, который подвергся сильнейшей атаке специалистов по коррекции личности, теперь испытывает неизменную тошноту от любого проявления насилия в любых её ипостасях. Даже от звучания музыки, которая сопровождала акты, сцены насилия в жизни, в кино или на экранах телевизоров, ему становится не по себе: «...взял огромный том Библии, решив, что хоть она, может быть, даст мне кое-какое утешение, как бывало в добрые старые времена в гостюрме, взял и поплелся читать. Однако все, что я там обнаружил, это распри и ругань евреев с евреями да избиение всех до седьмого колена, и мне снова стало тошнѐхонько» [1, с. 187]. Далее он продолжает: «Дело в том, что эти svolotshi доктора устроили так, что любая музыка, которая навеивает всякие там чувства, поднимала теперь во мне такую же тошноту, что и всякий вид или поползновение к насилию» [1, с. 183].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что образ Алекса не статичен. Он преподнесен автором в динамике. На наш взгляд, эта динамика продиктована желанием автора изобразить надежду на возможное изменение в поведении героя. Но, анализируя последние сцены романа, можно понять, что суть «заводного апельсина», несмотря на все старания специалистов по коррекции личности, остается прежней. Он понимает, что выйдя из этой ниши жизни, туда зайдут другие, более молодые и горячие парни. В мире всегда будет место насилию и жестокости. «Заводной апельсин» без усталости будет снова и снова заявлять о себе. Однако, несмотря на такой вердикт, Э. Бёрджесс гуманно относится к своему герою, называя его «жертвой эпохи». Герой, безусловно, имеет право на проявление к нему жалости, доброты, заботы хотя бы потому, что он человек и попав в довольно жесткие условия, сможет это оценить. Будучи спасенным от преследования полиции автором книги «Заводной апельсин» и получив порцию доброты, Алекс произносит сакраментальную фразу: «Как же мне вас отблагодарить?» [1, с. 201].

Становится очевидным, что антигерой сдаёт свои позиции. Но означает ли это, что из антигероя он действительно превращается в жертву? В определенном смысле этот вопрос имеет право на существование, поскольку, как было упомянуто выше, писатель консервативно относился к государственному устройству Великобритании, в романе прозвучали нотки несогласия, неприятия, неодобрения автором политики государства по отношению к его гражданам. Моральный выбор автора в борьбе «за или против человека» остро стоит в исследуемом романе, и Энтони Бёрджесс высказывает свои гуманистические позиции поскольку, как утверждал Грэм Грин: «Задача писателя – выразить сочувствие любому человеческому существу» [1, с. 102].

В подтверждение гуманистической позиции автора процитируем слова главного героя романа: «В юности каждый из нас похож на такую malennkiju заводную shtutshku. Сын, сын, мой сын. У меня будет сын, и я объясню ему всё это, когда он подрастет и сможет понять меня» [1, с. 248].

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что в романе Э. Бёрджесса «Заводной апельсин» главный герой Алекс наделён всеми особенностями личности

асоціальної, аморальної і аполітичної. Однак, незважаючи на крайню негативну прояву героя свого роману, автор висказується проти призначення державою несоразмерних покарань, позбавляючи людей людської сутності, свободи вибору, перетворюючи людей, навіть провинившись, в машини, виробляючі добродетель після «оздоровлення» в державному пенітенціарному закладі.

Список використаної літератури

1. Бёрджесс Э. Заводной апельсин : роман / Э. Бёрджесс; пер. с англ. В. Бошняка. – Москва : АСТ, 2014. – 252 с. ; Berdzhess E. Zavodnoy apelsin : roman / E. Berdzhess; per. s angl. V. Boshnyaka. – Moskva : AST, 2014. – 252 s.
2. Верцман И. Е. Проблемы художественного познания / И. Е. Верцман. – Москва : Искусство, 1967. – С. 265–277 ; Vertsman I. Ye. Problemy khudozhestvennogo poznaniya / I. Ye. Vertsman. – Moskva : Iskusstvo, 1967. – S. 265–277
3. Волков И. Ф. Теория литературы : учеб. пособ. / И. Ф. Волков. – Москва : ВЛАДОС, 1995. – 256 с. ; Volkov I. F. Teoriya literatury : ucheb. posob. / I. F. Volkov. – Moskva : VLADOS, 1995. – 256 s.
4. Галич О. Теорія літератури : підруч. / О. Галич, В. Назарець, С. Васильєв. – Київ : Либідь, 2001. – 460 с. ; Galich O. Teoriya literaturi : pidruch. / O. Galich, V. Nazarets, S. Vasilev. – Kiïv : Libid, 2001. – 460 s
5. Литература Англии. XX век / К. А. Шахова, Н. Ю. Жлуктенко, С. Д. Павлычко и др. – Київ : Вища школа, 1987. – С. 90–117 ; Literatura Anglii. XX vek / K. A. Shakhova, N. Yu. Zhluktenko, S. D. Pavlychko i dr. – Kiïv : Vishcha shkola, 1987. – S. 90–117
6. Маканин В. Андеграунд, или Герой нашего времени [Электронный ресурс] / В. Маканин. – Режим доступа : http://royallib.com/read/makanin_vladimir/andegraund_ili_geroy_nashogo_vremeni.html#0 ; Makanin V. Andegraund, ili Geroy nashogo vremeni [Elektronnyy resurs] / V. Makanin. – Rezhim dostupa : http://royallib.com/read/makanin_vladimir/andegraund_ili_geroy_nashogo_vremeni.html#0
7. Попова-Бондаренко И. А. Расширенный терминологический словарь / И. А. Попова-Бондаренко, Л. А. Рыжкова. – Донецк: ДонНУ, 2009. – 127 с. ; Popova-Bondarenko I. A. Rasshirennyy terminologicheskiy slovar / I. A. Popova-Bondarenko, L. A. Ryzhkova. – Donetsk: DonNU, 2009. – 127 s.
8. Ткаченко А. Мистецтво слова (вступ до літературознавства): підруч. / А. Ткаченко. – Київ : Київський університет, 2003. – 448 с. ; Tkachenko A. Mistetstvo slova (vstup do literaturoznavstva): pidruch. / A. Tkachenko. – Kiïv : Kiïvskiy universitet, 2003. – 448 s.
9. Фрай Н. Архетипна критика і теорія [Електронний ресурс] / Н. Фрай. – Режим доступу : http://1576.ua/uploads/files/5321/Fraj_Nortrop._Arhetypnyj_analiz__teoriya_mitiv._Slovo._Znak._Dyskurs._Antologija_literaturno_krytychnoji_dumky.1576.ua.pdf ; Frai N. Arkhetypna krytyka i teoriia [Elektronnyi resurs] / N. Frai. – Rezhym dostupu : http://1576.ua/uploads/files/5321/Fraj_Nortrop._Arhetypnyj_analiz__teoriya_mitiv._Slovo._Znak._Dyskurs._Antologija_literaturno_krytychnoji_dumky.1576.ua.pdf
10. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – Москва : Высшая школа, 1999. – 398 с. ; Khalizev V. Ye. Teoriya literatury / V. Ye. Khalizev. – Moskva : Vysshaya shkola, 1999. – 398 s.
11. «Заводной апельсин»: роману о садисте-эстете – 50 лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.bbc.com/russian/multimedia/2012/09/120912_clockwork_orange ; «Zavodnoy

apelsin»: romanu o sadiste-estete – 50 let [Elektronniy resurs]. – Rezhim dostupa : http://www.bbc.com/russian/multimedia/2012/09/120912_clockwork_orange;

Стаття надійшла до редакції 22.04.2016

N. I. Hruzevych

ANTIHERO CHARACTER IN A. BURGESS NOVEL

«A CLOCKWORK ORANGE»

The article deals with the analysis of such literature categories as «antinovel», «antihero» and characteristic for them features in creative works of writers of the XXth century West-European literatures. The author of the article researches how the main features of «antihero» category are revealed and apart from that singles out those which are characteristic for the protagonist-antihero of Anthony Burgess novel «A Clockwork Orange». To carry out the analysis of «antinovel» and «antihero» literature categories the article highlights the information about the epoch when «new novel» as the alternative to everything old and a challenge to classical novel was introduced. As a result of those processes new categories «antihero», «antinovel» appeared in the West European literatures. The article touches upon the historic background of fighting for the idea of a «new world» in Great Britain in 60-s of the XXth century and its reflection in the main character's features in «A Clockwork Orange» novel. It is stated in the article that the protagonist-«antihero» type as a criterion for an extremely antisocial, immoral, depriving of human values, cynical literature personage possessing sadistic inclinations is the evidence of the changes in human psyche for the worst and was introduced by the author of the novel to depict a true state of the English society which was deeply affected by the fight against the «old-fashioned» world with its morals and ideals. It has also been investigated how the author of the novel traces the development of his personage from his challenge the world to a duel to an opposite state when the state clinics challenges him to a duel, having forced him to go through a special medical treatment, which converted him into a not able to be himself man anymore. As a result it caused changes in the hero's perception of life and social behaviour, which is depicted by the author in the final scenes of the novel. It has been proved in the article that humanistic views of the author prevail. They bring the idea that depriving the personality of individuality by the forcefully state introduced measures associates with manipulation of the human mind and finally can lead to depersonalization of a man. So, it has been figured out in the article that the main personage of the A. Burgess novel «A Clockwork Orange» has all the attributes to be specified as an «antihero» character.

Key words: hero, antihero, neo novel, «new novel», antinovel, neo avant-garde novel, «minus-method», «antiliterature»

Н. І. Грузевич

ОБРАЗ АНТИГЕРОЯ У РОМАНІ Е. БЕРДЖЕССА

«ЗАВОДНИЙ АПЕЛЬСИН»

У статті здійснюється аналіз таких літературознавчих категорій як «антироман», «антигерой» та притаманних для них рис у творах авторів західноєвропейських літератур ХХ століття. Автор статті досліджує, яким чином здійснюється реалізація головних характеристик категорії «антигерой» та, крім того, відокремлює характерні риси протагоніста – антигероя роману сучасного англійського прозаїка Ентоні Берджесса «Заводний апельсин». Для здійснення аналізу причин появи цих літературних категорій у статті йдеться про епоху «нового роману» як альтернативу всьому старому та виклику класичному роману, тож, як наслідок цих процесів, появу нових понять «антигерой» та «антироман» у західноєвропейській літературі. У статті автор торкається питання історичних

передумов розгортання боротьби за «новий світ» у Великій Британії 60-х років ХХ століття та їх віддзеркалення у рисах головного героя роману «Заводний апельсин». У статті повідомляється, що тип протагоніста-«антигероя» як критерій вкрай антисоціального, аморального, позбавленого людських цінностей, цинічного літературного персонажа, що має садистські схильності, є свідченням змін у людському дусі на гірше і був зображений автором роману для правдивого опису положення англійського суспільства, ураженого боротьбою проти «старомодного» світу зі своєю мораллю та ідеалами. Було також досліджено, як автор роману простежує розвиток свого персонажа від його виклику суспільства на дуель до зворотного виклику державної медичної установи цього персонажа на схожу дуель шляхом примусового проходження лікування, яке перетворює його на людину, не спроможну більше залишатися самою собою. Результатом цього стали зміни у світовідчутті та соціальній поведінці персонажа, які зображуються автором у фінальних сценах роману. Було доведено, що у романі привалюють гуманістичні погляди письменника. Вони доносять ідею, що позбавлення особистості її індивідуальності шляхом примусових з боку держави заходів асоціюється з маніпуляцією людським розумом та може привести до знеособлення людини. Таким чином, у статті було визначено, що головному персонажеві роману Е. Берджесса «Заводний апельсин» притаманні всі риси образу «антигероя».

Ключові слова: *герой, антигерой, неороман, «новий роман», антироман, неоавангардистський роман, «мінус-прийом», «антилітература».*

УДК 821.161.209 Фра

В. В. Дуркалевич

ПРИГАДУВАННЯ ЯК ПЕРЕ/ФОРМУЛЮВАННЯ ІНДИВІДУАЛЬНОГО МІФУ У ТВОРЧОСТІ ІВАНА ФРАНКА

Стаття є спробою реконструкції особливостей моделювання індивідуального міфу в автобіографічному наративі І. Франка. Показано, що спогадовий простір конститується у вигляді канонічних та апокрифічних автокреативних практик, які дозволяють експериментувати з наративною ідентичністю.

Ключові слова: *індивідуальний міф, автонаративна практика, автобіографічний наратив, автокомунікація, автобіографічна пам'ять, пригадування, життєва історія.*

Особливості моделювання Франкового автобіографічного наративу у плані антропології, аксіології й епістемології дозволяють акцентувати на розмаїтті його контекстуалізації й реінтерпретації. Одним із шляхів контекстуалізації, а отже, й реінтерпретації, Франкової творчості автобіографічного типу може слугувати актуалізація проблематики *індивідуального міфу* як осердя інтерналізованої *життєвої історії*.

Наративістичне трактування категорії *індивідуального міфу* як історії, у якій окреслюється ідентичність, артикулюється система особистісних цінностей й втілюється індивідуальна правда може розглядатися як своєрідна методологічна альтернатива щодо існуючих у вітчизняному літературознавчому дискурсі пропозицій